

ПОЭТИКА ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ Я.КОЛАСА: КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ СТИЛЬ

Азарова Инна Борисовна

Народные сказки на русском языке в обработке Якуба Коласа напечатаны в третьем томе Собрания сочинений на основе автографа, который хранится в Музее песняра. Только четыре сказки из них датированы: «Человечье око» – 12.02.1946г., «Всем болезням болезнь» – 17.02.1946г., «За добро зло» – 22.02.1946г., «Завистливый поп» – 20.10.1946г. Однако, на наш взгляд, вышеперечисленные произведения лишь обновлены, а задуманы и воплощены в первоначальном варианте значительно раньше (возможно, начальный рукописный вариант утерян). И тому есть веские основания. Мы знаем, какую роль сыграли народная сказка и, особенно, фантастика в становлении балладной традиции польско-белорусских писателей, романтических произведений Ф.Богушевича, Я.Купалы. Поэтика народной сказки, как и народного творчества, в значительной степени обусловила специфику прозы Яна Борщевского, Ядвигина Ш., Каруся Каганца, З.Бядули, самого Якуба Коласа, особенно периода становления молодого таланта.

Древний человек не отделял себя от природы, считал себя звеном, частью круга жизни. Это представление нашло непосредственное отражение и в волшебных сказках, обработанных Я.Коласом.

Волшебные сказки представляют собой довольно значительную по количеству группу. Своим происхождением они обязаны мифологическим взглядам, фантазии и воображению древнего человека, которому было сложно понять и объяснить явления природы и социальные отношения.

Смысл, содержание волшебной сказки заключены в ее названии: «Собаченыш», «Кот-сват», «Сны леса», «Иван-дурак и Конек-Горбунок» и т.д. В этих сказках с действительностью происходят метаморфозы, какая-то фантастическая призма преломляет обыденные события, создавая чародейство. В волшебных сказках нет границ фантазии, тут есть все: магия, превращения, чудеса, необычные люди и звери, волшебные вещи, коварные злодеи и добрые герои, которые побеждают.

Я.Колас не отстает от старой сказочной традиции, и его герои действуют вместе с медведями, мышками, пчелами («Сын Леса»), котами, зайцами, волками («Кот-сват»), некоторые сказочные герои происходят от животных («Собаченыш»), необычные звери и волшебные вещи и атрибуты обязательно выступают в роли помощников (Конек-Горбунок, мышка, гребешок, живая вода и т.д.).

Стихия, грозные силы природы, которые трудно было понять и объяснить нашему предку, принимают конкретные образы злодеев: коварный колдун («Отдай мне то, что в доме неизвестно»), Кощей Бессмертный и Баба Яга («Сын Леса»), «страшилище, чудовище-Сам Скокоть, борода в локоть, а нос в

сажень» («Собаченыш»). По мере развития человеческого общества, социальных отношений, с появлением класса эксплуататоров образ злого героя трансформируется в конкретного царя, пана и чиновников-крючкотворцев («Иван-дурак и Конек-Горбунок», «Сын Леса»).

Волшебные сказки прошли достаточно долгий путь развития, выработали устойчивые традиции в композиционном построении и в выборе художественных приемов. Эти сказки отличает бесконечное богатство поэтики и сказочной обрядности.

В литературных сказках Я. Колас придерживается традиционной композиции: зачин, основная часть, концовка.

Действие сказки всегда начинается неопределенно: «В каком-то государстве был некогда великий голод...» («Сын Леса»), «Возвращался домой с ярмарки один богатый человек...» («Отдай мне то, что в доме неизвестно»).

Иногда автор-переводчик белорусской сказки сразу называет главных действующих лиц, объявляет их чудесное появление на свет: «Поймали рыбаки щуку, рыбу-прожору. Большущая была рыба... Отнес повар кусок диковинной рыбы своей жене. Подали щуку к барскому столу. Остатки выбросили сучке. Прошло некоторое время, и в один день родились сыновья у барыни, у кухарки и у сучки. Хорош барынин сын, кухаркин лучше его, а сучкин еще лучше» [3, с. 274].

Концовка сказок тоже выдержана в традиционной манере: «Вот моя жена, – она меня из неволи выручила! [3, с. 344] («Отдай мне то, что в доме неизвестно»), «Будь нашей царицей! Выходи замуж за Ивана» [3, с. 334] («Иван-дурак и Конек-Горбунок»), «И взял ее себе в жены» [3, с. 281] («Собаченыш»), «И стал Глинский-Пепелинский царским зятем. Ему отвели дворец. А когда царь умер, то Глинский-Пепелинский стал царем, а главным министром его остался кот Максим» [3, с. 295] («Кот-сват»).

А вот концовка коренным образом отличается от предыдущих в плане разграничения понятий личной выгоды и всеобщего блага: «Царь... выдал за кузнеца свою дочь... И мышка с ним тоже осталась. Так и сидела у него за пазухой. Когда кузнец делал добрые дела, она сидела спокойно. Если же кузнец поступал плохо, мышка начинала царапать его острыми коготками у самого сердца. Много добра сделал кузнец в том царстве. Научил людей железо ковать да изготавливать из него разные изделия для нужд людей... Погостил кузнец у матери, с соседями повидался, научил их кузнечному ремеслу. А потом забрал с собой мать и отправился в то государство, откуда была его жена, где люди равно все трудятся и друг дружке помогают» [3, с. 320] («Сын Леса»). Налицо факт влияния идей о равенстве и братстве, а также приложенная автором модель этого государства. Если приблизительно предположить время обработки сказок по обозначенным конкретно датам, то главный смысл, тема и идея вполне укладываются в курс политики партии 30-х – 50-х гг. 20-го века.

Что касается основной (или эпической) части содержания сказки, то здесь снова выделяется «Сын леса». В соответствии с традицией эпическая часть разворачивается спокойно, широко, с трехкратным повтором событий или основных мотивов и эпизодов: герои трижды готовят обед, Собаченыш трижды

бьется со Скокотом, три дочери у Скокота в сказке «Собаченыш», три раза Кот Максим сватает за Мартина Глинского-Пепелинского царскую дочь («Кот-сват»). В таком неторопливом действе, в диалогах раскрываются черты характера героя и врагов, объясняются мотивы их поступков, дается оценка их действиям.

Именно в подобной манере излагается сказка «Сын леса» до момента приезда главного героя к горе, в которой спрятан замок Кощея Бессмертного. Затем сухой событийный план неожиданно контрастно выходит на первое место, оставляя за собой традиционную сказочную описательность и неторопливость повествования. Появляется множество действующих лиц (Мышка, Кощей Бессмертный, Баба Яга, Царь, Царевич, 12 богатырей, пчела, конь, кобылка), события стремительно следуют друг за другом, остается минимум диалогов, разговор передается посредством косвенной речи, события кратко объясняются автором. Я.Колас как бы сознательно отходит от трактовки: «Долго сказка сказывается». Однако, несмотря на быстроту развития событий, ограничение развернутых описаний, сказка звучит захватывающе, живо, оригинально и не теряет своей привлекательности.

В выборе средств художественной выразительности Я.Колас предстает великим мастером, с легкостью сочетающим постоянные сказочные эпитеты, типичные формулы, сравнения, символику русского происхождения с белорусскими и своими, авторскими, художественно-стилевыми средствами. Это проявляется в создании образа, быта, в описании событий и чудес и выражается посредством речи. Именно в ней отразилось влияние белорусского языка. В тексте много грамматических форм, синтаксических конструкций и слов белорусского происхождения: «не было чего есть» [3, с. 308], «матери ломают руки» [3, с. 308], «проходило время родить» [3, с. 308], «лубянка» [3, с. 308], «сядет на бережку ручья» [3, с. 309], «смотрит на молодых медведенков» [3, с. 309], «положила на лубке свежих плястров меду» [3, с. 310], «месячник» [3, с. 310], «поснимала поклажу» [3, с. 310], «досматривают хозяйство» [3, с. 310], «коростливая кобылка» [3, с. 311], «с кем потыкался?» [3, с. 291], «почесывает чуприну» [3, с. 330] и т.д.

На определенную степень развития общественно-экономической формации и зрелость социальных отношений указывают следующие примеры: «Чиновники крючкотворные от крючкотворства хлеб едят» [3, с. 311], «отряд прислужников» [3, с. 311], «придворные магнаты, кавалеры ... фрейлены» [3, с. 293], «ушел в деревню к девушкам и прогулял всю ночь» [3, с. 328], «прибавил разных замысловатых вещей, которые нравятся девушкам» [3, с. 331].

Таким образом, налицо факт не простого пересказа народной сказки, а литературная обработка, творческий подход мастера к своему произведению.

Волшебные сказки весьма актуальны и по сей день. Они не только познавательны, но и несут элементы воспитания и эстетики. А поскольку сказки формировались в течение длительного времени, то содержат в себе сведения об историческом прошлом: далеком и близком, отражают эпохи с их нравами и обычаями, социальные и бытовые отношения классового общества, поэтизируют мечты простых людей о прекрасной жизни.

Літаратура

Колас, Якуб. Поўны збор твораў: у чатырнаццаці тамах / Якуб Колас. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1972-1978. – Т.3 – 1973. – 360с.

Исследована поэтика волшебных сказок Я.Коласа на русском языке. В литературных сказках Я.Колас придерживается традиционной композиции, его герои действуют вместе с животными, иногда происходят от них, необычные звери и волшебные вещи и атрибуты обязательно выступают в роли помощников, а образ злодея по мере развития социальных отношений трансформируется в образ царя, пана и т.д.

В выборе средств художественной выразительности Я.Колас предстает великим мастером, сочетающим постоянные сказочные эпитеты, типичные формулы, сравнения, символику русского происхождения с белорусскими и своими, авторскими, художественно-стилевыми средствами.

Таким образом, налицо факт не простого пересказа народной сказки, а литературная обработка, творческий подход мастера к своему произведению. Безусловно, поэтика народной сказки обусловила специфику творчества Якуба Коласа, особенно периода становления молодого таланта.